

«Ох, гармонь моя, гармонь...»

Мы встретились с одним из лучших гармонистов Беларуси Михаилом СЛИЗКИМ на его рабочем месте – в Музее гармонии Белорусского государственного университета культуры и искусств. Михаил Иванович – создатель и хранитель этого музея. В его коллекции – 75 язычковых музыкальных инструментов: гармони, баяны, аккордеоны... Ими заставлены все стеллажи небольшой комнаты.

– Михаил Иванович, с чего все началось?

– Родился я на Могилевщине, в деревне. Гармошку полюбил с семи лет. В нашей семье ее не было, зато у соседа, жившего через дорогу, было аж три – хромка, тальянка и тульская. Я, бывало, трыду к ним вечерком, сяду тихо в уголок и с наслаждением слушаю переборы, люблюсь тем, как пальцы бегают по белым кнопочкам.

Мой отец, будучи пастухом, искусно музицировал на скрипке, а у меня, подпасака, была немецкая трофейная блок-флейта. Пасли коров и забавлялись. Девчонки, мои ровесницы, проходя мимо, шуточно пели: «Пастушок, пастушок, поиграй для нас в рожок». И я старался. Мама и сестры умели хорошо петь. Так что я рос в музыкальной среде...

– А своей гармонии так и не было?

– Летом 1955 года двоюродный брат Григорий из подмосковного Можайска привез мне новенькую гармонию. Я ликвал от счастья! Голосистая трехрядка,



ФОТО АВТОРА

с цельнолатунными планками, сделанная по заказу лучшими кировскими мастерами. Казалось, растяни меха – сама запоет!

Восьмиклассником я уже неплохо исполнял народные песни и танцы, играл в сельском клубе. Не расставался с гармошкой до призыва в армию. Она мне даже снилась в казарме. А потом повезло: в учебной роте на станции Удельная под Москвой, где я начинал службу после окончания Витебского электротехникума связи, в капержке оказался никому не нужный баян. Так я с гармонией «пересел» на баян. Это все равно, что с «Оки» на «Мерседес».

Потом, служа за границей в польском городе Легница, играл строевые песни и марши, любимый солдатский репертуар. И многие не верили, что я самоучка.

– Чему вы отдаете предпочтение – русским и белорусским народным песням, песням советских композиторов или современным ритмам?

– Как истинный славянин, я обожаю русский и белорусский фольклор, казачьи мелодии, с

удовольствием играю песни 50–90-х годов. И, конечно, у людей моего поколения всегда на слуху фронтовые песни и послевоенных лет, героико-патриотические и лирические: «Три танкиста», «Землянка», «В лесу прифронтовом», «Мы парни бравые», «Несокрушимая и легендарная»... Бурю трепетных чувств вызывают во мне песни в исполнении Лидии Руслановой, Клавдии Шульженко, Людмилы Зыкиной, Владимира Трошина, Бориса Штоколова, Георга Отса. Это была плеяда действительно очень ярких талантов.

– Гармонь помогала жить и строить в мирное время, побеждать на войне... Она поднимала боевой дух солдат, вселяла веру в победу. Вспомним того же Василия Теркина...

– Я могу вспомнить и своего родного дядю Гришу, который погиб в 1942 году на Карельском фронте. Его друг и земляк, вернувшийся домой калекой, поведал вдове Марии такую историю. Группа пехотинцев разместились в тесной землянке.

Завтра на рассвете идти в бой. В голове каждого – тревожная мысль: выживу или погибну? И вдруг все услышали бодрящую мелодию, сыгранную Григорием на откуда-то взявшейся гармонии. Лица бойцов просветлели, на душе полегчало. И никто не мог представить, что через считанные часы осиротеет гармонь и осиротеют дети гармониста.

– Не спрашиваю, а утверждаю: сибиряк Геннадий Заволокин – ваш кумир. Я прав?

– Я познакомился с Геннадием в 1993 году, когда он с братом Александром и ансамблем «Частушка» выступал в Белгосфилармонии в Минске. Более того, я вышел тогда на сцену и сыграл на его гармошке. Внимательно послушав, Геннадий сказал: «Хороший наигрыш!».

Хочу упомянуть и другого своего кумира и тоже сибиряка – Ивана Ивановича Маланина. Он родился в большой крестьянской семье, был семнадцатым ребенком. Родился слепым, но природа, словно в утешение, щедро одарила его абсолютным слухом и музыкальным талантом. Однажды выступление Вани Маланина услышал владелец винокуренного завода Потушинский и увез мальчика в Иркутск, где он получил полноценное музыкальное образование и вскоре стал известен всему городу. Маланин мечтал изобрести баян с шестым, приставным «пальцем». И такой инструмент был изготовлен. Virtuозность исполнения на нем народных мелодий и произведений Шопена завораживала публику. Более сорока лет Маланин работал в филармонии Новосибирска. Он стал инициатором проведения в Сибири слетов гармонистов. Кроме гармони и баяна прекрасно играл на фортепиано, гитаре, скрипке, флейте, ударных инструментах.

– Кого бы вы особо выделили из числа нынешних минских гармонистов?

– Прежде всего Михаила Сияняка. Он инвалид по зрению, замечательный гармонист и баянист. Его музыка проникнута теплотой, сердечностью, тонким лиризмом. Можно сказать так: Михаил Сияняк – наш Иван Маланин. По оригинальной игре и молодецкой задоринке я всегда узнаю Михаила Костюкевича – талант от Бога. Пожалуй, не уступает ему в мастерстве и Юлиан Капшевский. А сколько одаренных музыкантов-самоучек в других белорусских городах и местечках!

– В России особо славится тульская гармонь. У нее чистый голос, без «разлива»... А что есть в Беларуси?

– Умельцы из города Молодечно до 2007 года выпускали гармонию «Беларусь». По звучанию она близка к баяну – объемные «легкие», состоит из более двух тысяч деталей. Поэтому не каждому мастеру дано быть настройщиком гармони. Лучшим мастером и чародеем настройки на Молодечненской фабрике был Михаил Петрович Гайдукевич.

– И обо всем этом вы рассказываете студентам?

– Рассказываю и показываю. Они приходят в музей как экскурсиями, так и поодиночке, причем с разных кафедр: хореографии, прикладного искусства, этнографии и фольклора. Особый интерес, естественно, проявляют студенты музыкального факультета. Я там семь лет преподавал гармонию как дополнительный фольклорный инструмент на кафедре народно-инструментального творчества. Посетителям музея всегда даю совет: «Если у вас плохое настроение – не унывайте, а растяните мехи гармони и погрузитесь в чарующий мир звуков».

Беседовал
Евграф ПРОКОПЬЕВ